

Его звали Маркус...

Маркус Агирре

После того, как он первый раз открыл глаза, прошло некоторое время. Он находился в каком-то месте, и всюду его сопровождали разные запахи. Ему было очень тяжело. Каждый день он видел около себя людей. Мужчины его куда-то уносили, мыли, потом укладывали его обратно на циновку. Рядом с ним сидела девушка, ее он видел очень часто. Она кормила его, причёсывала его (кажется, это так называется, когда каким-то предметом трогают волосы), помогала что-то делать. Она почти не разговаривала, но иногда читала ему.

Он не умел говорить. Не умел ходить. Он был словно маленький ребёнок, за которым необходим был постоянный уход, и всё было бы хорошо, если бы в один момент он не понял, что все люди примерно одного роста. И это его заставляло переживать и нервничать. Он чувствовал, что происходит что-то совсем неправильное. Но он не мог ничего сказать.

Маркус Агирре

Конечности работали, но были очень слабыми. Он постоянно работал, держал в руках что-то, старался что-то сделать, чтобы облегчить работу своим сиделкам. Говорить он не мог, но пытался как-то объясниться с помощью жестов, хотя не было совсем никакой памяти, и он не знал, как выглядит стакан, чтобы жестами попросить стакан воды. Хотя через несколько дней он понял, что такое “стакан”, и одной проблемой стало меньше. Но их ещё было очень много, и одна проблема его сильно волновала и каждый раз заставляла нервничать, а от этого работать конечностями и головой усерднее.

К нему относились нормально. В этом помещении были ещё люди, но никто не задерживался надолго. Мимо него проходили, рядом с ним иногда лежали, кто-то разговаривал, и ему казалось, что какие-то слова он понимает и запоминает. Хотя в основном говорили о чём-то сложном, и он не понимал этого. И от этого он сильнее хватался за всё, что могло ему помочь. Но по-прежнему в голове было пусто. Было только имя.

Маркус Агирре

Его звали Маркус, и он не знал, его ли это имя и имя ли. Больше никаких данных у него не было. Ни кто он, ни от куда. Просто Маркус. Так как он не мог ничего толкового спросить, то никто и не рассказывал ничего. Слышал он только, что его нашли в каком-то доме, он был уже почти труп. Много не рассказывали, но это давало понять, что раньше он был кем-то. И нужно было восстановить что-то. Но как собирать осколки, если их нет? Если есть только белый лист бумаги, почти пустой из-за отпечатанного на нём пресловутого “стакана”? Ему необходимо учиться и справляться самому со своими потребностями.

Из-за слабости он не мог даже сесть, но большую часть времени проводил в полусидячем положении. На ногах лежала книга, на которую он смотрел, но буквы были незнакомыми, и слов не было. Иногда ему было плохо, у него опускались руки,

особенно когда случалась очередная неприятность. Он старался всё делать, но это выматывало. Теперь он понимал, что означают слова “стыдно” и “унизительно”. Только не мог никак повлиять на то, чтобы этого больше не было. Но он старался.

Маркус Агирре

Его часто выводили на улицу, и он сидел на скамейке. Смотрел в основном на небо или на книгу. Речь давалась ему с трудом, словарного запаса не было, воспоминаний не было тоже. Он постоянно работал, что-то делал. Девушка, которая постоянно находилась рядом с ним, давала ему в руку карандаш, но он не мог его держать. Потом начали получаться какие-то черточки. Он внимательно слушал девушку, да и других людей, если они говорили ему что-то. Старался запомнить и понять, если от него что-то требовали. Было очень тяжело.

Он не мог справиться с ощущением, что все это совершенно неправильно. И его беспокоила собственная ничтожность и невозможность что-либо делать. Он честно старался быть сильным и послушным пациентом, но очень тяжело, когда некоторые вещи делаются не так, как должны делаться. И это его угнетало. А вдруг он на всю жизнь останется таким?
